

«Исторического Вѣстника». Ясно, что онъ ее не приметъ. Въ своемъ консерватизмѣ онъ не переходитъ известной черты, которую я перехожу. Я отрицаю разныя передовыя идеи по существу. Это для него уже, вѣроятно, не годится.

Всѣ эти «передовыя» идеи не могли не казаться ему мелкими и пошлыми передъ величіемъ того пути, который теперь открылся передъ нимъ, какъ онъ и самъ это говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Величайшій и труднѣйшій путь — это путь христіанскаго совершенствованія. Понять, ощутить, схватить то Царствіе Божіе, которое внутри насъ; въ своей личности, въ своей душѣ увлечь жизнь вѣчнаго мірового Духа, стать выше матеріальнаго міра, выше даже человѣчества, поскольку человѣчество есть процессъ природы. Какое духовное величіе нужно для этого».

И эта, открывшаяся ему правда легла въ основу всего его, также и политическаго, міросозерцанія, какъ онъ это выразилъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «Монархическая Государственность» (послѣдній томъ вышелъ въ 1905 году), гдѣ все основано на «приматѣ религиозно - нравственнаго принципа, проникающаго жизнь и стремящаго ее осмыслить и одухотворить. Онъ является съ основой истинной монархіи».

«Въ различныхъ формахъ верховной власти», говоритъ Тихомировъ, «выражается то, какого рода силъ нація, по своему психологически-нравственному состоянію, наиболѣе доверяетъ. Демократія выражаетъ довѣріе къ силѣ количественной. Аристократія выражаетъ преимущественное довѣріе къ авторитету, проверенному опытомъ; это есть довѣріе къ разумной силѣ. Монархія выражаетъ довѣріе, по преимуществу, къ силѣ нравственной».

«Царская власть — это какъ бы воплощенная душа націи, отдавшая свои судьбы Божьей волѣ». «Монархическій принципъ великъ и силенъ только нравственнымъ единеніемъ съ націей», говоритъ онъ далѣе. «Когда же оно не поддерживается, не доказывается, не проявляется, въ народѣ неизбежно начинаютъ шевелиться сомніи въ реальности такой формы верховной власти и получаютъ успѣхъ проповѣдь другихъ принциповъ государственнаго строя. Выстъ съ тѣмъ замѣчается одновременное разслабленіе и національныхъ силъ и самаго государственнаго управленія».

Написанная наканунѣ революціи, подѣ впечатлѣніемъ надвигающейся катастрофы, книга Тихомирова является для насъ особенно актуальной, и только теперь, уви, она мо-

жетъ быть оцѣнена по достоинству, когда сблизисъ тяжелыя предчувствія ея автора.

Съ грустью смотритъ онъ въ глаза неизбежному: «Послѣ реформы 1861 г., равной цѣлѣму перевороту съ признаніемъ крестьянства и всѣхъ Русскихъ подданныхъ свободными гражданами, открывалась потребность въ созданіи учреждений, которыя бы заполнили пустоты, образующіяся между властью и націей при паденіи крѣпостныхъ основъ... Для этого верховная власть должна бы была работать тѣтъ 20 въ непрерывнѣйшемъ общеніи съ націей, какъ это было при Михаилѣ Феодоровичѣ послѣ 1612 года... Но ничего подобнаго не было... Послѣ 1861 года около верховной власти осталась одна только бюрократія. Она все дѣлала. Она все рѣшала за Россію. И вотъ, въ теченіе 40 лѣтъ, она успѣла вырвать такую яму между Царемъ и народомъ, какой никогда не было за всѣ предыдущіе 1000 лѣтъ существованія Россіи».

Однако, несмотря на все это, Тихомировъ все же не сомнѣвается въ томъ, что «современная смута, подобно смутѣ XVII вѣка, завершится полной реставраціей монархіи... даже въ томъ случаѣ, если бы она, какимъ-либо стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ, была временно разрушена». — «Дѣло въ томъ», — продолжаетъ онъ далѣе, «что коренныя условія современной государственности несомнѣнно всѣ — за монархію... Душа Русскаго такова, что онъ неспособенъ искренно подчиниться какой либо верховной власти, основанной не на нравственномъ началѣ, а потому онъ неспособенъ признать надъ собой власть ни аристократіи, ни демократіи. Русскій по характеру своей души, можетъ быть только монархистомъ или анархистомъ. Если онъ почему-нибудь утратитъ вѣру въ монархію, то дѣлается или политическимъ индифферентистомъ, или анархистомъ». — «Можно себѣ представить у насъ, какъ вездѣ, смуты, перевороты, узурпаціи, но какъ прочный строй въ Россіи возможна только монархія, и думаю, что она теперь возродилась бы изъ самыхъ тяжкихъ смутъ столь же самодержавной, какъ въ 1612 году».

Напомнимъ при этомъ, что «самодержавной» монархіей, или монархіей «истинной» (въ отличіе отъ ея ложныхъ формъ, монархій деспотической и абсолютной) Тихомировъ называетъ лишь тѣскую монархію, которая является «верховой властью нравственнаго идеала», ограниченной содержаніемъ этого идеала и покоящейся на соборномъ единеніи Царя съ народомъ.

Юрій Арсеньевъ.

Лекція проф. И. А. Ильина

29-го апрѣля въ Парижѣ профессоръ И. А. Ильинъ прочиталъ публичную лекцію «О монархическомъ и республиканскомъ правосознаніи». Лекторъ проявилъ въ ней столько эрудиціи, глубины и тонкости мысли и художественнаго таланта, что весь переполненный огромный залъ слушалъ его буквально атаканъ дыханіе и лова каждое его слово.

Коснувшись религиознаго обоснованія монархическаго принципа, лекторъ въ высоко художественной формѣ представилъ, какъ въ древне-языческомъ мѣрѣ въ основаніи монархическаго сознанія лежалъ, культъ обожествленнаго идеальнаго образа царя — его идеи — которому, какъ, напримеръ, въ Египтѣ, самъ носитель этой идеи, фараонъ, воздавалъ божеская почести. И въ древнемъ императорскомъ Римѣ та же идея выражалась въ культѣ божественнаго генія императора, его «иоменна». Этотъ культъ, какъ извѣстно, служилъ главнымъ поводомъ къ гоненіямъ на христіанъ, от-

казывавшихся исполнять обряды, предписывавшіеся этимъ культомъ. По мнѣнію лектора, это было основано на недоразумѣніи, ибо послѣ Константина Великаго религиозный элементъ въ монархическомъ сознаніи подчеркивался, по его словамъ, не менѣе, если не болѣе.

Мнѣ представляется, однако, что этотъ отказъ христіанъ отъ участія въ культѣ «генія» императора объясняется отнюдь не недоразумѣніемъ, а вытекаетъ изъ самой сущности христіанскаго міросозерцанія. Для христіанства только Господу Иисусу Христу принадлежитъ «всякая власть на небесахъ и на земли», и земные цари зависятъ не въ силу своей собственной божественности, а вслѣдствіе благодатной силы, имъ сообщаемой въ цѣляхъ служенія Высшей Правдѣ Христовой. Эта благодатная помощь свыше даетъ царю силу для осуществленія своего царскаго подвига, который предполагаетъ со стороны царя аскезу — очищеніе

сердца, чтобы оно подлинно было «въ рукахъ Божіихъ». Путь этого подвига трудный и на немъ всегда возможны — на практикѣ даже неизбежны — паденія и уклоненія. Но все это не лишаетъ царя божественной силы, носителемъ коей онъ является въ глазахъ своего народа, если только онъ сознательно отъ нея не отвращается, не дѣлается отступникомъ, или богоборцемъ. Царь — отступникъ, царь — антихристъ, на какіе бы онъ «божественные» истоки своей власти ни ссылался, не признается христіанскимъ сознаниемъ. Это особенно ярко выразилось на примѣрѣ Юліана Отступника, который по многимъ ближе подходилъ къ идеаламъ современнаго гуманизма, чѣмъ тотъ же Константинъ Великій.

Но въ этомъ отличительная черта христіанскаго монархическаго сознания: грѣхи царя его не смущаютъ, если только царь остается вѣрнѣмъ сво-

ему служенію. Христіанское сознание по существу своему смиренно: кто изъ людей безгрѣшенъ, кто смѣетъ про себя сказать, что онъ праведенъ? Грѣхи царя сознаются народомъ, какъ свои собственные грѣхи, равно какъ и царь принимаетъ на себя отвѣтственность передъ Богомъ за грѣхи своихъ подданныхъ — получается «круговая порука», взаимное воспоминаніе недостающего, т. е. тотъ принципъ соборности, на которомъ основана всякая истинная монархія. Отсюда глубокое значеніе молитвы за царя.

Безъ этого смиреннаго «пріятія» грѣховъ царя народомъ христіанскаго монархія немислива, потому что идеальныхъ царей, какъ и идеальныхъ людей вообще, не существуетъ, а потому требованіе «идеальнаго» монарха равносильно на практикѣ отъказу отъ монархіи вообще.

Ю. А.

Соціально-Экономическій Отдѣлъ Союза Младороссовъ

ЭТИКА И ТЕХНИКА

Мѣриломъ современной эпохи въ значительной степени является техника. Вопросы техники имѣютъ поэтому большое значеніе для каждого современника. Въ связи съ тѣми задачами, которыя встаютъ передъ техниками и, въ частности передъ техниками-младороссами, будущими пионерами національнаго и хозяйственнаго возрожденія Россіи, — весьма интересно было бы остановиться на нѣкоторыхъ мысляхъ, высказанныхъ извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ и публицистомъ д-ромъ Р. Н. Куленгофъ-Калерджи по поводу значенія техники въ исторіи европейской культуры и ея соотношенія съ этическимъ началомъ. Въ дальнѣйшемъ я попытаюсь наложить общій ходъ мыслей д-ра Куленгофъ-Калерджи, наложенныхъ въ его книгѣ «Апология техники» (поскольку эти мысли соотвѣтствуютъ и нашей усремленности).

Обликъ современной европейской культуры почти во всѣхъ областяхъ созданъ въ неразрывной связи съ развитіемъ техники. Начиная съ изобрѣтенія печатнаго станка, пороха, компаса и развитія кораблестроенія, благодаря которымъ европейцамъ удалось распространить знаніе и проникнуть въ новыя страны, и кончая телескопомъ и микроскопомъ, безъ которыхъ не существовали бы современная астрономія и бактериологія, — мы можемъ прослѣдить побѣдоносное шествіе культуры въ лицѣ техники, находящагося въ состояніи непрерывной борьбы съ силами природы.

Техника основана на героическомъ, активнистическомъ, такъ скажутъ — имперіалистическомъ отношеніи къ природѣ. Она не подчиняется силамъ природы, а напротивъ стремится подчинить ихъ себѣ и владѣть ими. Стремленіе къ власти надъ природой ведетъ технику къ прогрессу. Въ силахъ природы техникъ видитъ властителей, которые должны быть свергнуты, — противниковъ, которые должны быть побѣждены, — дикихъ звѣрей, которые должны быть укрощены.

Въ этой своей активнистической направленности техника созвучна духу современнаго европейца. Сама техника есть порожденіе этого европейскаго духа. Европейецъ стремится отъ настоящаго къ будущему. Онъ живетъ въ непрерывномъ обновленіи, въ постоянной реформациі, революціи. Онъ жаждетъ новшествъ, онъ борется со своими привычками и традиціями. Онъ стремится дѣйствіемъ измѣнить, обновить, переделатъ и усовершенствовать міръ. Въ силу этого техника и наша въ Ев-

ропѣ столь плодотворную почву для своего развитія.

Но, несмотря на все развитіе техники, несмотря на всѣ ея завоеванія положеніе современнаго европейца остается довольно плачевнымъ. Собственно лишь двѣ категоріи людей могутъ имѣть даннныя для благополучія и счастья. Это, во-первыхъ, — богачи, которые располагаютъ возможностью дѣлать и имѣть, все, что имъ угодно. И, во-вторыхъ, — святые, которые довольствуются своей судьбой и не стремятся къ большему. Богачъ завоевываетъ себѣ объективную свободу своимъ внѣшнимъ могуществомъ. Святой завоевываетъ себѣ субъективную свободу своимъ равнодушіемъ къ житейскимъ благамъ. Богачъ развивается внѣшне, святой развивается внутренне.

Остальные европейцы являются попросту рабами природы и общества. Европейскіе народы въ своихъ усиліяхъ улучшить тяжелое положеніе большинства людей пытались было разрѣшить эту проблему посредствомъ колониальной политики. Она оказалась, однако, лишь временнымъ средствомъ, при томъ весьма слабымъ.

Второй, еще болѣе значительной попыткой является социализмъ. При торжествѣ социализма жизнь въ условіяхъ нынѣшняго уровня развитія техники, состояла бы изъ двойной функціи: работать для того, чтобы ѣсть и ѣсть для того, чтобы работать. Идеаль равенства былъ бы достигнутъ, но отъ свободы, культуры, спокойствія и досуга Европа была бы дальше, чѣмъ когда бы то ни было.

Приведенное выше сравненіе между богачемъ и святымъ является какъ бы прообразомъ тѣхъ двухъ факторовъ, которые играютъ первенствующую роль въ судьбѣ европейской культуры, а именно: техники и этики. Только параллельное развитіе этики и техники можетъ разрѣшить социальный вопросъ. Этика можетъ разрѣшить его внутренне путемъ воспитательнымъ, черезъ религію, школу, печать. Техника можетъ разрѣшить социальный вопросъ внѣшне, черезъ увеличеніе производства и превращеніе человѣческаго принудительнаго труда въ механизированную, машинную работу. Этика путемъ техника достигнетъ экономіи человѣческаго труда безъ ущерба для человѣческаго благополучія, — увеличенія свободы и досуга безъ уменьшенія рабочей силы, потребной для культурнаго творчества.